

АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ КОСТЫЛЕВ

*кандидат исторических наук, доцент кафедры социологии, политологии
и истории Санкт-Петербургского государственного аграрного университета
E-mail: usala@rambler.ru*

В статье речь преимущественно идет об административном вмешательстве на выборах в IV Государственную думу. Автор замечает, что это вмешательство достигло своего максимума по сравнению с предыдущими кампаниями. Вместе с тем он приходит к выводу о том, что административное вмешательство привело к ничтожным результатам: представительство правых в Думе в целом не возросло, октябристы лишились меньшего количества мест, чем ожидалось, а уменьшение октябристского представительства компенсировалось увеличением прогрессистов и кадетов.

Ключевые слова: Третьеиюньский избирательный закон, IV Государственная дума, выборы, административное вмешательство.

Выборы в IV Государственную думу Российской империи (сентябрь-октябрь 1912 г.)

Выборы в IV Думу, как и в III, проходили на основе избирательного закона 3 июня 1907 г., принятого после неудачного для властей опыта первых двух созывов народного представительства. Вся «соль» этого законодательного акта состояла в коренном перераспределении количества мест выборщиков от различных курий в общих губернских собраниях. В 50 губерниях Европейской России удельная доля крестьянских выборщиков резко снижалась (с 42,3 до 21,8 %), а выборщиков-землевладельцев увеличивалась, соответственно с 32,7 до 49,6 %. Представительство горожан и рабочих сохранялось приблизительно на прежнем уровне — у жителей городов оно даже выросло с 22,5 до 26,3; у пролетариата незначительно упало — с 2,5 до 2,3 %. Что касается жителей городов, то они дробились на 2 курии по имущественному признаку, с некоторым преимуществом более зажиточной части избирателей. Другим важным изменением являлось введение фиксированного представительства каждой курии в Думе от губерний, причем эти представители избирались всем общим составом собраний. Таким образом, депутатом от рабочих, например, мог стать один-единственный в курии рабочий-выборщик черносотенец, если большинство губернского собрания представляло правых. Нет никаких сомнений в политической ангажированности этих нововведений. Сам технический автор закона С.Е. Крыжановский отмечал, что новое законодательство предопределяло «состав Думы в соответствии с видами правительственной власти»¹. В III Думе подобное законодательство позволило П.А. Столыпину сформировать октябристско-правое большинство и за редкими исключениями добиваться беспрепятственного прохождения всех правительственных законопроектов.

На выборах в IV Думу ситуация, однако, изменилась. На этот раз октябристы, лишившиеся покровительства премьера, сами стали мишенью правительственного

прессинга. О желании исполнительной власти приобрести однородную Думу, состоящую почти исключительно из монархистов, свидетельствует та кампания широкомасштабного административного нажима, которая сопровождала выборы. Причем, осуществлялась она с самого верха. Со стороны правительства выборы контролировал министр внутренних дел А.А. Макаров, фактически отстранивший относительно либерального премьера В.В. Коковцова от всякого вмешательства в этот процесс. В целях административного координирования выборов первым было созвано совещание губернаторов в Петербурге, состоявшееся в начале сентября 1912 г. Позицию сторонников активного вмешательства в выборную кампанию, уже фактически проводящуюся на местах, выразил здесь нижегородский губернатор А.Н. Хвостов, заявивший, что губернаторы «не только должны, но и могут провести в Думу исключительно тех, кого они желают»². По его мнению, для этого нужно было только «задаться целью и не колебаться в выборе средств, т. е. не обращать внимания на выкрики печати и не бояться жалоб на неправильность выборов»³.

Хотя подобная откровенность и шокировала премьер-министра, на практике эта «предвыборная теория» будущего лидера правых в IV Государственной думе стала основой правительственной регламентации избирательного процесса. Причем осуществлялась она не с помощью централизованного давления по линии министра внутренних дел, а руками губернаторов, вполне уяснивших подлинные, хотя и в полной мере не афишировавшиеся расчеты правительства на результаты выборов. В этих условиях не обходилось и, что называется, без «перегибов». На местах губернаторы весьма вольно толковали даже вполне определенные инструкции правительства, касающиеся выборов, и руководствовались своим собственным видением «свободы» предвыборной агитации и границ административного регулирования выборов. По сообщению отнюдь не либерального «Русского слова», как В.Н. Коковцов, так и А.А. Макаров в ответ на жалобы оппозиции отмечали, что «исполнители делают политику на собственный страх»⁴. Впрочем, со стороны второго, как кажется, это были не вполне искренние оправдания, ведь за все время предвыборной кампании жалобы на нарушения нарастали как снежный ком, а правительство вместо определенных санкций ограничивалось подобными неофициальными заявлениями.

Одним из мотивов вмешательства местной администрации в дело выборов вполне по-современному были служебное рвение и желание показать свою лояльность. Как отмечал один из левых публицистов, «губернаторы связывают вопрос о выборах с вопросом карьеры и хотят слишком уже отличиться»⁵. Это утверждение не так уж неправдоподобно, ведь многим было памятно, что одним из резонансных отставок С.Ю. Витте, высказанным Николаем II, являлось «полнейшее воздержание всех властей от выборной кампании» в I Думу⁶. Косвенным средством влияния на результаты выборов еще со времен премьерства П.А. Столыпина стала щедрая бюджетная поддержка различных правомонархических организаций и их органов печати. По свидетельству В.Н. Коковцова, тогда министра финансов, из особого фонда МВД правым в период с 1909 до начала 1912 гг. было выдано от 2,5 до 2,8 млн рублей. Только газета «Земщина» стоила стране 144 тыс. рублей в год при

ничтожном количестве подписчиков⁷. Однако финансирование агитации правых в большинстве случаев было пустой тратой денег, так как их пресса, на взгляд самих губернаторов, пользовалась ничтожным влиянием на местах.

Поэтому администрацией использовались и другие, куда более действенные и прямые средства получить нужное голосование. Была продолжена и усилена практика так называемых «разъяснений», которая позволяла лишить избирательных прав отдельных вероятных кандидатов в члены Думы от оппозиции. Особенно это касалось бывших депутатов. Так, в Воронеже был устранен от голосования кадет А.И. Шингарев, во Владимире — К.К. Черносвитов, в Черниговской губернии — популярный октябрист бывший предводитель дворянства Г. Глебов. В первом случае повод для лишения избирательных прав был придуман самый абсурдный — Шингарев не проживал в течение года в квартире, с которой выплачивал налог. Но он и не мог там проживать, так как выполнял обязанности депутата Думы⁸.

Обжалование ценза имело место не только накануне выборов, но и после их проведения на предварительных стадиях. Таким образом, например, был лишен возможности избираться депутатом известный либеральный деятель, участник двух первых Дум, основатель партии демократических реформ В.Д. Кузьмин-Караваев. Обладая сразу двумя цензами в г. Бежецке, он был избран выборщиком по 1-й городской курии. В ответ губернатор опротестовал его ценз сначала в уездную избирательную комиссию, которая отказала ему, а затем успешно в более послушную губернскую⁹. Последующее обжалование в Сенат со стороны Кузьмина-Караваева не имело практического значения, так как за это время состоялись выборы и по второй городской курии, таким образом, все пути в Думу были уже закрыты. О целенаправленности и мотивированности действий губернатора в данном случае говорит тот факт, что такими же цензами обладала в Бежецке по крайней мере сотня людей, но все они избирательных прав не лишились.

Там, где невозможно было оспорить ценз, например по крестьянской курии, власти попросту по формальным мотивам отменяли результаты выборов. Так, в Прилуцкой волости Онежского уезда Архангельской губернии признали незаконными выборы волостных уполномоченных. Среди прочих здесь был избран трудовик И.С. Томилов, неоднократно (29 раз, что для крестьянина немало) выступавший с трибуны III Думы с критикой правительственных законопроектов и без сомнения попавший «на карандаш» у губернатора.

Особенное рвение и изобретательность проявлял в преследовании оппозиционных кандидатов, и, вообще, в самом разнузданном и незаконном давлении на выборы упомянутый нижегородский губернатор А.Н. Хвостов. Еще задолго до начала выборов он заставил покинуть губернию видного деятеля кадетской партии Н.Н. Иорданского, находившегося на государственной службе; затем инициировал возбуждение уголовного дела по поводу нецелевого расходования средств в земстве, лишив тем самым избирательных прав едва ли не весь состав губернского комитета партии кадетов. В уезды для работы по организации монархического большинства среди землевладельцев им отправлялись специально назначенные чиновники, а сам губернатор собирал земских начальников, указывая им как добиваться нужного

результата по крестьянской курии, намеренно создавая повод для кассации «неудачных» выборов. Для этого он рекомендовал им просто-напросто нарушать закон, запуская в волостные правления посторонних¹⁰. В Казанской губернии сам губернатор объезжал уезды, грозя волостным старшинам и земским начальникам отставкой за выбор несогласованных заранее кандидатов. Значительное давление на крестьян при подготовке волостных сходов оказывали земские начальники, которым администрация заранее давала соответствующие негласные инструкции. Так, один из них (Нижегородская губ.), проводил беседы с волостными старшинами, заявляя: «если на ваших сходах будут избраны левые, вам житья не будет в губернии»¹¹.

Все эти формы давления использовались и на прошедших выборах, однако характерным, и, ранее в централизованном виде не применявшимся средством получения нужного большинства на съездах землевладельцев, а следовательно, на губернских собраниях, была массовая мобилизация священников. Согласно известному циркуляру обер-прокурора В.К. Саблера, духовенство призывалось к обязательному участию в выборах с требованием выдвигать из своей среды благонамеренных и послушных епархиальному начальству пастырей, в чью обязанность входило голосование на последующих стадиях против лиц, замеченных в «противоправительственном направлении». Циркуляр не расшифровывал партийную принадлежность этого направления, но в частном порядке духовенству давалось понять, что туда входят не только кадеты, но и недостаточно лояльные октябристы. Для исполнения по епархиям были командированы синодальные чиновники во главе с чиновником особых поручений при обер-прокуроре Священного Синода князем И.П. Шаховским. По замечанию журнала «Церковь», в Синоде, как «в главном штабе во время военных действий, давались предвыборные лозунги, намечались и выдвигались кандидатуры архиереев, утверждались представители губернских предвыборных комитетов духовенства»¹².

В регионах для обеспечения явки священнослужителей использовались самые разнообразные средства: беседы, печатные обращения и предписания, приказы начальства. В Воронежской губернии, по утверждению местного деятеля «Союза 17 октября», священники «мотивировались» 25-рублевым штрафом в случае отсутствия и угрозой лишения сана за голосование левее правых октябристов¹³. Руководители епархиальных подразделений, благочинные, будучи проинструктированы в епархиях, проводили мобилизационную работу на местах, не особенно стесняясь прессы или общественного мнения. Один из них (Черниговская губ.), не довольствуясь привлечением собственно священников по землевладельческой курии, издал специальное объявление, обращенное к диаконам, псаломщикам и учителям церковно-приходских школ. В нем последние в обязательном порядке, «согласно воле начальства и совету руководителей выборов» призывались прибыть на выборы по второй городской курии в г. Кровелец и голосовать за намеченного кандидата-священника. Процедура предусматривала запись о прибытии в особый лист в местной церковно-приходской школе и освобождение только в связи с собственной болезнью или смертью близких родственников, «удостоверенных

благочинным»¹⁴.

Массовое появление на съездах уполномоченных от землевладельцев священников приводило к тому, что во многих губерниях таковые избирались на землевладельческие съезды сотнями, в то время как от светских категорий избирателей проходили единицы и десятки. Так, в Киевской губернии на 477 уполномоченных — священников приходилось только 36 светских, в Тамбовской — соответственно на 322 — 27, в Тульской — 229 и 21, в Черниговской — 177 и 49, в Ярославской — 147 священников и только 8 других уполномоченных. Лишь в тех сравнительно редких губерниях (Херсонская, Таврическая и др.), где существовали сплоченные группы мелких землевладельцев (татары, немцы и евреи — колонисты), которые вынужденно выделялись в отдельные съезды, результаты были более дробными. В Таврической губернии, например, на 48 священников было избрано 43 уполномоченных — татарина, 10 немецких колонистов, 3 поселянина (очевидно, еврея), 6 мелких землевладельцев из дворян и чиновников, 3 мещанина и только 1 православный крестьянин. Совершенно особняком стояли столичные губернии, где роль церковного землевладения была низкой, а другие группы выступали консолидированно. В Санкт-Петербургской губернии священников вообще провалили — по всей губернии они дали только 2 уполномоченных на 153, принадлежащих к иным категориям¹⁵.

Столь многочисленное появление священников в губернских избирательных собраниях не было бы возможно без произвольного разделения съездов мелких землевладельцев, по которым они участвовали в выборах. Такое разделение по имущественному, национальному, сословному признаку получило самое широкое распространение как раз на выборах в IV Думу, причем в основе лежал самый что ни на есть прагматичный политический расчет: там, где подобное дробление способствовало избранию максимального количества проправительственных выборщиков, там оно осуществлялось, там же, где как раз в указанном случае проходило большее количество недостаточно лояльных мелких землевладельцев — нет. При этом сами священники то выделялись в особую курию, то не выделялись. О политической мотивированности подобной группировки избирателей говорят, например, многочисленные письма и обращения октябристов в ЦК партии. Как указывали корреспонденты, в Рязанской и Воронежской губерниях священнослужители не были выделены в особые съезды, а в Орловской голосовали отдельно, в результате же во всех случаях оказывались забаллотированы лица левее националистов¹⁶. Статья 29 закона 3 июня 1907 г. позволяла выделять съезды мелких землевладельцев «по местностям уезда или по разрядам избирателей соответственно роду владеемого ценза». Разумеется, столь размытое определение на практике приводило к самым разнообразным разделениям и даже подразделениям. Например, особо выделялись священники, а все остальные мелкие землевладельцы подразделялись в зависимости от величины ценза. Причем, те, кто владел более 1/5 полного ценза, должны были выбирать в одном конце уезда, а «односотенники» (владельцы более 1/10 ценза) — в другом. Конечно, перспектива ехать на выборы за десятки верст не способствовала явке избирателей и уполномо-

ченными избирались исключительно священники, а предварительные выборы среди других категорий землевладельцев признавались несостоявшимися, как это было, например, в 8 уездах Волынской губернии, в 6 уездах Тамбовской и Вологодской, 3-х — Херсонской и т.д.

В некоторых уездах выборы проходили, но их ход бывал просто анекдотичным. В Орловском уезде, например, на первый предварительный съезд землевладельцев, пришли всего 2 избирателя, в совокупности обладавших 1 полным цензом. Поскольку каждый из них хотел быть избранным, то выборы прошли с помощью жребия¹⁷. Такое голосование, когда условный «Иванов» выбирал условного «Петрова», на этой стадии выборов отнюдь не было исключительным явлением. В целом, разделение предварительных цензов имело одну цель — как можно больше уменьшить влияние светских мелких землевладельцев и обеспечить организованное присутствие на съездах крупных землевладельцев законопослушного «избирателя в рясе».

Массированная кампания дала блестящие с точки зрения правительства: из 8764 уполномоченных, избранных на съездах мелких землевладельцев в 49 губерниях было 7142 (81 %) священника, и это при том, что по данным 1905 г., в Европейской России на 2,1 млн десятин церковного землевладения приходилось 19,1 млн частного мелкого¹⁸.

На крупных землевладельческих съездах столь обильное присутствие священников нередко приводило к обратному задуманному правительством результату: священники непременно хотели попасть в выборщики сами, а землевладельцы объединялись уже не на политической основе, а на «антиклерикальной почве». В Крапивненском уезде Тульской губернии на съезд землевладельцев явилась организованная группа священников, рассчитывавшая непременно выбрать батюшку. Но все остальные землевладельцы, в большинстве правые, предварительно сговорившись, постановили голосовать только за помещика, причем к ним присоединились даже немногие землевладельцы-прогрессисты¹⁹. Вообще многие правые помещики, для которых, очевидно, не были ясны дальнейшие намерения священников, на предварительных стадиях выборов выражали опасение, как это делал видный московский монархический деятель, литератор В.А. Балашев, что те «открыто идут против Дворянства»²⁰. Дальнейшие результаты выборов в губернских избирательных собраниях опровергли их опасения: батюшки использовались как своего рода избирательный «таран», призванный раздробить оппозицию и обеспечить избрание депутатов-монархистов не только и даже не сколько из среды духовенства. Когда количество избранных губернскими выборщиками священников стало таковым, что это грозило получить в Думе до 150 клириков, было, очевидно, дано негласное указание сократить это количество до 30–40 и обязать голосовать духовенство за правительственных кандидатов от других групп населения.

Выборы от каждой курии имели свою специфику, в том числе и в плане политических пристрастий выборщиков. Курия землевладельцев с помощью мобилизации священников была, по крайней мере, на 2/3 правомонархической.

Большинство активных в Думе деятелей правых, националистов и умеренно-правых, фракции центра представляли именно эту курию.

Крестьянская курия при том масштабном давлении администрации, земских начальников, которое имело место, давала в основном законопослушных беспартийных крестьян, очень многие из которых занимали должности в сословном самоуправлении (старшины, старосты, волостные писари). В политическом плане это были беспартийные, стихийные монархисты. Впрочем, сами власти были не до конца уверены в их политическом направлении, ведь многие левые вполне могли выдать себя перед начальством за правых. Рапортуя в МВД об успехах (от волостных сходов в губернии было выбрано 315 правых, 127 беспартийных, 58 левых и 2 кадета), саратовский губернатор уточнял: «Это благополучие ... находится в зависимости от правильности оценки исправниками избранных... в этом отношении могут быть неожиданности»²¹.

Чтобы таких «неожиданностей» не произошло, властями перед губернскими избирательными собраниями применялся старый, используемый еще со времен перводумских выборов прием — изоляция крестьянских выборщиков. Так, тамбовский губернатор запросил у Министерства на расходы по их содержанию (судя по сумме не только по содержанию — А.К.) ни много, ни мало — 1500 руб. В Киевской губернии крестьянские выборщики получили приглашение по приезду в Киев остановиться в гостинице Михайловского монастыря, а все расходы выплачивались из правительственных сумм. Самарский губернатор «во избежание влияния ... левых элементов на выборщиков крестьян» также снял для них особое помещение²². Во многом благодаря таким приемам примерно половина из попавших в Думу крестьян были выбраны туда голосами правых и националистов и состояли членами соответствующих фракций.

Выборы по рабочей курии, несмотря на множественные отмены результатов, продемонстрировали, что она остается по-прежнему «вотчиной» социал-демократии. Причем наиболее активно проявили себя в кампании среди рабочих большевики. Только этим влиянием можно объяснить ту организованность, с какой рабочие отстаивали свой выбор. В Петербурге, например, перед самым съездом уполномоченных были кассированы выборы почти на половине фабрик и заводов. По призыву большевиков почти сразу, 5 октября 1912 г., состоялась массовая однодневная забастовка, вынудившая власти быстро назначить перевыборы. Результаты не заставили себя ждать — почти везде опять были выбраны представители социал-демократии. Подобные истории имели место на Мотовилихинских заводах под Пермью, в Сормово и ряде других мест²³. Поэтому нет ничего удивительного, что основу социал-демократической фракции в IV Думе составили обязательные депутаты 6 губерний (Санкт-Петербургской, Московской, Владимирской, Костромской, Екатеринославской и Харьковской) от рабочей курии. Большинство из них, разумеется, были не вполне от станка, а представляли большевистских партийных и профсоюзных активистов. Так, от Московской губернии в Думу прошел разоблаченный впоследствии как провокатор и расстрелянный Р.В. Малиновский, от Петербургской — известный большевик А.Е. Бадаев, в будущем

председатель Президиума Верховного совета РСФСР, от Харьковской — М.К. Муранов, через 5 лет активный участник большевистского переворота в Петрограде, зам. наркома внутренних дел Советской республики. В отличие от большевиков, меньшевики в составе думской фракции в большинстве формально представляли городское население: 2 грузина от Тифлисской губернии, Батумской и Карской областей (в том числе один из лидеров меньшевиков Н.С. Чхеидзе), М.И. Скобелев от русского населения Закавказья, остальные — в основном от губерний и областей Сибири и Дальнего Востока. Также несколько рабочих-эсдеков (все трое — меньшевики) прошло в тех губерниях, где они не имели права отдельного представительства, но где имела место неформальная блокировка всех выборщиков не правее кадетов (в Таврической, Уфимской губерниях, Области Войска Донского).

Большое значение для выборов в целом по стране имели избирательные кампании в крупнейших центрах, особенно в столицах. В Петербурге и Москве главный тон всем выборам, как и во многих губернских городах, задавала полемика между кадетами и социал-демократами. В то время, как кадеты огромное внимание уделяли критике политики правительства и фракции октябристов в III Думе, социал-демократы обвиняли самих кадетов в «конституционных иллюзиях», закулисных попытках сговора с правительством, неспособности к активным действиям, предательстве народных интересов. Результаты городских выборов показали растущую популярность социал-демократов. В Петербурге они по второй курии даже опередили октябристов, собрав 19,5 % голосов (на выборах в III Думу — только 9,4). Впрочем, этого было слишком мало для общей победы — кадеты все равно победили с большим перевесом — в среднем их кандидаты получили 55,8 % бюллетеней²⁴. Показателен был провал октябристов — от городов с отдельным представительством они вообще не провели ни одного своего депутата, а в Москве по первой курии, где большинство традиционно собирали октябристы, был забаллотирован даже их лидер — А.И. Гучков. Вообще, выборы в крупнейших городах продемонстрировали успех кадетов и прогрессистов — от 7 городов с отдельным представительством в Думу прошло 11 кадетов или присоединившихся к ним (по 4 от Петербурга и Москвы, по одному от 2-й курии Киева и Риги, 1 — от Лодзи), 3 прогрессиста (все по 1-й курии — 2 в Петербурге, 1 — в Риге), 2 националиста (1 — от Киева, 1 — от русского населения Варшавы), 2 правых (оба от Одессы). Все будущие лидеры и активисты кадетской фракции в Думе прошли от столиц — от Петербурга — П.Н. Милюков, Ф.И. Родичев, А.И. Шингарев, от Москвы — В.А. Маклаков, Н.Н. Щепкин²⁵.

В других городах борьба велась между почти всеми политическими силами, но относительный успех сопутствовал в основном кадетам — по 2-й курии, прогрессистам и октябристам — по 1-й. В 16 городах, в основном уездных, победили социал-демократы. Особенно значим был их успех в Иркутске, позволивший потом от Иркутской губернии избрать социалиста.

В целом по стране, по неполным подсчетам, в губернские избирательные собрания было избрано 2768 выборщиков — правых (53,7 %), 246 националиста (4,7 %) (судя по количеству фракции, больше — авт.), 534 октябриста (10,4 %), 275

прогрессистов (5,4 %), 455 кадетов (8,8 %), 485 левых (9,5 %), 386 беспартийных и неизвестных (7,5 %) ²⁶.

Подобная группировка при той системе выборов, которая существовала до 3 июня 1907 г., предвещала бы в губернских избирательных собраниях почти полный успех монархистов. Однако в пользу других, более малочисленных групп, теперь работало правило обязательного избрания в большинстве губерний депутатов от каждой из курий (кроме рабочих, избравших только 6 депутатов), причем в 25 губерниях избирались отдельно 2 депутата-горожанина, от 1-й и 2-й курий. Хотя они и избирались общим составом выборщиков, лишь в меньшинстве губерний правые, умеренно-правые и националисты могли рассчитывать на избрание исключительно своими голосами депутатами от горожан и, в меньшей степени крестьян, правых, хотя бы потому, что во многих губерниях правых выборщиков по этим куриям просто не было.

Поэтому ход губернских избирательных собраний демонстрировал преимущественно дробный характер голосования, т. е. в большинстве губерний депутатами от одной губернии избирались как всевозможные правые, так и октябристы, и даже кадеты и прогрессисты. Избирательные собрания, дававшие однородные результаты голосования, составляли меньшинство. Так, исключительно или почти исключительно националисты и слившиеся с ними умеренно-правые были избраны лишь в Витебской, Гродненской, Киевской, Минской, Подольской и Псковской губерниях ²⁷. Подобный результат говорит не только о преобладании в этих губерниях выборщиков-землевладельцев, но и об определенном успехе националистической пропаганды среди православных крестьян в южных и юго-западных губерниях, где был относительно высок процент еврейского населения, а среди землевладельцев было много польской шляхты. Почти исключительно правых депутатов делегировали в Думу Волынская (здесь в числе 13 депутатов прошел только лидер националистов В.В. Шульгин), Вятская и Нижегородская губернии. Курская губерния вообще представляла собой настоящий заповедник крайне правых. Именно от нее прошли в Думу их вожди Н.Е. Марков и В.М. Пуришкевич, публицист и активный участник монархического движения Г.А. Шечков. Таким же безраздельным владением для фракции центра была Бессарабская губерния, где были избраны Н.Д. и П.Н. Крупенские и бессменный депутат всех созывов А.К. Демянович.

Октябристы в подавляющем большинстве (во всех случаях с немногими правыми, «центристами» и националистами) преобладали лишь в Воронежской, Казанской, Новгородской, Пензенской, Полтавской и Смоленской губерниях. В этих губерниях было избрано 39 из 98 членов октябристской фракции.

Кадеты смогли провести исключительно своих депутатов только в Архангельской и со значительным преобладанием в блоке с прогрессистами в Области Войска Донского. В целом явное преобладание депутатов какой-либо фракции имело место лишь в 19 из 50 губерний Европейской России.

Во всех остальных случаях наблюдалось самое разнообразное представительство различных политических сил в составе избранных депутатов. В значительном

количестве случаев, судя по всему, этот результат достигался путем всевозможных гласных или негласных блоков. Так, в 8 губерниях (Могилевской, Олонецкой, Орловской, Симбирской, Тверской, Тульской, Херсонской и Черниговской) имел место союз октябристов, националистов и правых; в 3-х (Калужской, Петербургской и Ярославской) — октябристов, прогрессистов и кадетов; в 6-ти (Астраханской, Ковенской, Костромской, Оренбургской, Таврической и Уфимской) кадетов, прогрессистов, автономистов и левых. В данном случае под блоком, разумеется, имеется ввиду стойкая совместная баллотировка, бывшая следствием предварительных совещаний выборщиков, а не какой-либо официальный союз организаций или предвыборных комитетов.

Однако чаще всего (в остальных 14 губерниях Европейской России) выборы носили совершенно случайный характер, и их результат обуславливался или примерным равенством сил различных политических групп в избирательных собраниях, либо необходимостью со стороны большинства выбирать отдельных депутатов по тем куриям, где у него вообще не было своих депутатов. В этом случае даже правые выборщики по принципу меньшего зла могли голосовать за прогрессиста, кадета или даже левого.

В целом выборы в IV Думу закончились, да и не могли не закончиться относительным успехом монархистов. Все правые фракции, вместе с националистами, получили к началу первой сессии по официальным данным думской распорядительной комиссии 186 мандатов из 442 (88 мест у националистов и умеренных, 65 у правых, 33 у фракции центра)²⁸, т.е. 42,1 %. Относительность этого успеха усиливалась непрекращающейся борьбой амбиций лидеров правых и разногласиями между ними по ряду важнейших политических вопросов (отношение к столыпинской аграрной реформе, оценка Думы как законодательного органа, тактика думской деятельности).

Самой проигравшей стороной были октябристы, лишившиеся по сравнению с III Думой более трети мест. В 1912 г. они сумели провести лишь 98 депутатов вместо имевшихся в начале предыдущего созыва 154-х. Основные потери на выборах партия понесла по землевладельческой и 1-й городской куриям. При своих результатах остались в целом кадеты и социал-демократы: первые увеличили присутствие в Думе с 54 до 59 человек, вторые уменьшили с 19 до 15-ти. Значительно поредели и так немногочисленные трудовики: они потеряли 5 мест (9 вместо 14). Самого большого относительного успеха достигли прогрессисты, прибавившие по сравнению с началом работы III Думы целых 20 депутатских портфелей. Их количество возросло до 48, что позволило кадетам вместе с ними рассчитывать на довольно весомое меньшинство в законодательном органе.

Административное вмешательство на выборах в IV Государственную Думу достигло своего максимума по сравнению с предыдущими кампаниями. Как образно писал лидер самой пострадавшей от правительственного прессинга партии А.И. Гучков, главной целью правительства было пропустить в представительный орган только тех, кто был снабжен ярлыком: «Разрешено губернатором и позволено Синодом»²⁹. Для этого использовались самые разнообразные способы и формы

давления, от сравнительно мягких (обращения губернаторов и духовенства к избирателям) до прямой фальсификации составов избирательных собраний путем разделения съездов и многочисленных кассаций. Несмотря на многостепенность и мозаичность системы выборов речь шла именно о централизованном предумышленном искажении их результатов. Однако все многогранные уловки властей закончились в общем-то ничтожным результатом: представительство правых в Думе в целом не возросло, октябристы лишились меньшего количества мест, чем ожидалось, а уменьшение октябристов в Думе с лихвой компенсировалось некоторым увеличением еще более оппозиционных для правительства прогрессистов и кадетов.

¹ Падение царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства: в 7-ми т. / Ред. П.Е. Щеголев. М.; Л., 1926. Т. 5. С. 426.

² Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания, 1911–1919. М., 1991. С. 168–169.

³ Там же. С. 169.

⁴ Русское слово. 1912. 18 сентября.

⁵ Современный мир. 1912. № 10. С. 303.

⁶ Витте С.Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 357.

⁷ Интересная находка (Заседания Чрезвычайной следственной комиссии. Показания В.Н. Коковцова) // Вопросы истории. 1964. № 2. С. 106.

⁸ Вестник Европы. 1912. Кн. 10. С. 433. А.И. Шингарев стал депутатом от Санкт-Петербурга, а К.К. Черносвитов избран в IV Думу в 1913 г. на дополнительных выборах от Ярославской губернии вместо князя Д.Д. Урусова (Николаев А.Б. Черносвитов Кирилл Кириллович // Государственная дума Российской империи: 1906–1917: Энциклопедия. М., 2008. С. 675).

⁹ Вестник Европы. 1912. Кн. 11. С. 367.

¹⁰ Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Н. Новгород, 2001. С. 121.

¹⁴ Современный мир. 1912. № 10. С. 310.

¹⁵ Новое время. 1912. 19, 22 сентября.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 53(1). ЛЛ. 49, 62, 75.

¹⁷ Новое время. 1912. 14 сентября.

¹⁸ Ленин В.И. Духовенство на выборах и выборы с духовенством // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 22. С. 129.

¹⁹ Голос русского. 1912. 28 сентября.

²⁰ Там же.

²¹ Черменский Е. Выборы в IV Государственную думу // Вопросы истории. 1947. № 4. С. 35.

²² Там же. С. 36–37.

²³ Там же. С. 39.

²⁴ См. подробнее: Костылев А.В. Выборы в IV Государственную думу в Санкт-Петербурге // Таврические чтения 2007. Актуальные проблемы истории

парламентаризма в России в начале XX в. Научно-практический семинар 11 декабря 2007 г. Сб. научн. ст. / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2008. С. 113–122.

²⁵ Здесь и далее подсчитано по: Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Четвертый созыв, 1912–1914. М., 1913. С. 1–403.

²⁶ Современный мир. 1912. № 11. С. 336.

²⁷ Подсчитано по: Члены Государственной думы. Портреты и биографии. Четвертый созыв, 1912–1914. С. 1–403.

²⁸ Там же. С. XXV.

²⁹ Жилкин И. Провинциальное обозрение // Вестник Европы. 1912. Кн. 11. С. 356.